
Ари
ДАЛЕ
Отец-одиночка и
РАЗВЕДЁНКА
с прицепом

Ари Дале

Отец-одиночка и разведенка с прицепом

«Литнет»
2026

Дале А.

Отец-одиночка и разведенка с прицепом / А. Дале — «Литнет», 2026

— Держите своего сына в узде! Ему не место рядом с моей дочерью, — налетает на меня мужлан, который по совместительству является отцом одноклассницы моего сына.— Это еще почему? — упираю руки в бока.
— Потому что они друг другу не пара! Ваш сын недостоин моей дочери. Какой пример вы можете ему дать, растя его в одиночку? Вы же разведенка с прицепом, только и можете, что корзиночку воспитать! — выплевывает он.Возмущенно вздыхаю.— То есть тот факт, что вы растите дочь один, вас никоим образом не смущает?— Не сравнивайте! Моя жена трагически погибла, а вы свою семью сохранить не смогли.Открываю рот, чтобы объяснить этому козлу, куда он может пойти со своими выводами, как слышу голос бывшего:— Ну хоть кто-то тебе это сказал, кроме меня! Сколько я тебе говорил, что именно на бабе держится домашний очаг? Хорошей, услужливой жене мужик изменять не будет!

© Дале А., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 21
Глава 7 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Глава 1

«Ольга Сергеевна», — высвечивается на экране моего телефона, который вибрирует на столе, а у меня желудок мгновенно сжимается в тугой болезненный узел.

Классная руководительница моего сына никогда не звонит просто так. Для объявлений у нее есть родительский чат, для напоминаний — электронный дневник, а личный номер она набирает только тогда, когда Рома снова умудряется отличиться. После развода любой разговор, связанный с сыном, превратился для меня в отдельный вид пытки.

Стоит услышать: «Екатерина Андреевна, нам нужно поговорить», как сердце проваливается куда-то к желудку, ладони становятся влажными, а в голове возникает одна-единственная мысль: Антон, мой бывший, вспомнил о своем обещании.

Откидываюсь на спинку кресла и смотрю на мигающий экран, пока телефон мелко дрожит рядом с открытым ноутбуком. За стеклянной перегородкой моего кабинета сотрудники переговариваются, щелкают клавиатуры, негромко гудит принтер. Обычный рабочий день в обычной бухгалтерской фирме, которую я каким-то чудом сумела поднять с нуля. Даже мое отражение в темном окне выглядит вполне благополучно: светлые волосы собраны в низкий хвост, кремовая блузка застегнута почти под горло, темные брюки без единой складки. Только лицо мое какое-то слишком бледное, а голубые глаза распахнуты так, будто мне звонят не из школы, а из полиции.

Глупость, конечно. Антон не станет похищать собственного сына среди бела дня. Наверное. Вот только он однажды уже пообещал, что заберет у меня Рому, если я буду плохо себя вести, а бывший муж не относится к людям, которые бросают угрозы на ветер. Особенно когда уверен, что имеет полное право распоряжаться чужой жизнью.

Телефон замолкает. На несколько секунд в кабинете становится удивительно тихо, хотя за стеклом по-прежнему кипит работа. Втягиваю воздух в легкие, кладу ладонь на живот и пытаюсь убедить себя, что ничего страшного не случилось. Рома мог снова подраться. Мог сорвать урок. Мог довести какую-нибудь девочку до слез, хотя после перевода в новую школу вроде бы немного успокоился. Любая из этих причин неприятна, но поправима. Главное, чтобы сын находился в школе. Главное, чтобы Антон не приехал за ним без моего ведома.

Экран вспыхивает снова.

На этот раз вместе с желудком сжимается горло, а перед глазами возникает совсем другой день — тот, когда я вернулась из командировки на три дня раньше и открыла дверь собственной квартиры.

В прихожей стояли незнакомые красные туфли. Из спальни доносился женский смех, а на кухонном столе лежал билет в аквапарк, на котором детской рукой было выведено: «Рома». Я еще успела подумать, что сын позвал в гости приятеля с мамой. Даже улыбнулась собственной догадке, тихо сняла пальто и пошла по коридору, собираясь сделать им сюрприз.

Сюрприз в итоге сделали мне.

Антон лежал в нашей постели, прикрытый простыней до пояса, а рядом с ним натягивала на себя кружевной халат высокая рыжеволосая женщина. Та самая тетя Лена, с которой Рома, оказывается, уже ездил в аквапарк. Та самая классная, веселая и совсем не занудная тетя, о которой сын рассказывал за ужином, пока я пыталась вспомнить, откуда он вообще ее знает. Антон тогда сказал, что это коллега, с которой они случайно встретились возле развлекательного центра. И ведь даже голос у него не дрогнул. Как можно так спокойно врать женщине, с которой прожил двенадцать лет?

— Катя, ты должна была вернуться в пятницу, — Антон приподнялся на локте и посмотрел на меня с раздражением, словно именно я без приглашения ворвалась в его спальню.

— А ты не должен был развлекаться с чужой женщиной в нашей постели, — я вцепилась в дверную ручку, потому что ноги внезапно перестали держать меня, и перевела взгляд на его любовницу. — Ты познакомил ее с Ромой, да?

Лена дернулась к разбросанной на полу одежде, но Антон остановил ее коротким жестом. Даже тогда он продолжал командовать, решать, кому двигаться, кому молчать и когда мне разрешено развалиться на части.

— Не устраивай сцену, — муж сел, лениво натягивая на бедра простыню. — Ребенок один раз съездил с нами в аквапарк. Ему понравилось. Ничего страшного не произошло.

— С вами? — слово обожгло язык. — Ты брал нашего сына на свидание с любовницей?

— Не называй Лену любовницей, — Антон нахмурился, а потом посмотрел на меня так снисходительно, что захотелось запустить в него первым попавшимся предметом. — И вообще, а что ты думала? Сможешь меня обуздать? В качестве обслуживающего персонала ты годишься: дома чисто, ужин приготовлен, ребенок под присмотром. Но взбудораживать мужчине мозги и делать так, чтобы он каждый день хотел возвращаться только к тебе, ты не умеешь. Ты слишком предсказуемая, моя дорогая.

Воспоминание до сих пор царапает изнутри, хотя прошло уже два года. Сжимаю край стола и заставляю себя разжать руку, пока ногти не оставили следы на гладкой коже ладони. Антон тогда поднялся, натянул домашние брюки и подошел ко мне, будто собирался обсуждать не собственную измену, а условия очередной сделки.

— Я нашел способ решить проблему, — муж остановился совсем близко и понизил голос, чтобы Лена не слышала. — Мне нужны две женщины в жизни. Ты останешься женой и матерью моего сына, а рядом с Леной мне не будет скучно. Все получат то, что хотят. Ты же не хочешь стать разведенкой с прицепом, правда? Это же твой самый большой страх после того, как твоя мамаша растила тебя одна.

Бывший знал, куда ударить, чтобы сделать мне больно… так больно, что дышать стало почти невозможно, а колени подогнулись.

Мама всю жизнь повторяла, что мужчинам нельзя доверять, что они уходят, а женщины остаются с ребенком, долгами и вечным страхом не справиться. Я так боялась повторить ее судьбу, что годами закрывала глаза на поздние возвращения Антона, бесконечные совещания и телефон, который он не выпускал из рук даже в душе. В тот вечер страх действительно прижал меня к полу. Только рядом с ним поднялось нечто другое — холодное, упрямое и до невозможности злое.

Я ушла.

Не сразу и не красиво. Сначала заперлась в ванной, разрыдалась, потом полночи собирала вещи и раз за разом спрашивала себя, не совершаю ли самую большую ошибку в жизни. Утром забрала Рому, сняла квартиру и подала на развод. Пришлось перевести сына в другую школу, возможно, еще поэтому он словно сорвался с цепи: грубил учителям, дрался с мальчишками, дергал девочек за волосы. Особенно доставалось одной девочке, имя которой звучало дома чаще, чем мое. С ней они то ругались, то дрались, то получали замечания на двоих.

Сложнее всего мне дался суд, который должен был поставить не только окончательную точку в нашем браке, но и определить местожительства ребенка.

Антон пришел в зал суда в темно-синем костюме, спокойный, собранный и неприлично уверенный в себе. Он адвокат, поэтому умеет превращать белое в черное и заставлять людей сомневаться в том, что они видели собственными глазами. Я сидела напротив, прятала дрожащие руки под столом и ждала, когда бывший муж докажет, что ему нужен сын. Не потому, что скучает. Просто Рома был последним рычагом, которым Антон мог удерживать меня рядом.

Судья спросила сына, с кем он хочет жить. Рома посмотрел сначала на отца, потом на меня и твердо сказал:

— С мамой, — мальчик сжал ремень рюкзака и придвинулся к моему стулу.

Только тогда я, кажется, смогла вдохнуть по-настоящему. Прижала сына к себе, уткнулась носом в темные волосы и едва не расплакалась прямо в зале. Позже, уже дома, Рома признался, что отец сам велел ему выбрать меня.

— Папа сказал, что пока не может меня забрать, — сын ковырял вилкой остывшие макароны и не поднимал глаз. — Но если ты будешь плохо себя вести, он заберет меня потом. В любой момент.

С того дня прошел год. Антон исправно перечисляет алименты, а потом требует чеки едва ли не на каждый купленный Роме носок. Может позвонить мне поздно вечером и устроить допрос, почему сын получил тройку, почему пропустил тренировку, почему я купила ему новый телефон. При этом сам появляется в его жизни, когда ему удобно, ни разу не пришел на родительское собрание и помнит расписание Ромы хуже, чем курьер, который привозит нам продукты.

Зато я справилась. Когда стало понятно, что на одну бухгалтерскую зарплату квартиру, школу и нормальную жизнь не вытянуть, начала брать клиентов на аутсорс. Сначала я вела две небольшие фирмы по ночам, потом пять, потом десять. Через год сняла этот офис и наняла сотрудников. Моя компания приносит достаточно денег, чтобы больше не считать дни, когда бывший снизойдет, чтобы отправить алименты. Антон наверняка был бы в шоке, если бы узнал, что тихая удобная мышка, на которой он когда-то женился, сумела выбраться из ямы, в которую он ее запихнул, без помощи… особенно, его помощи. Возможно, поэтому я ничего ему и не рассказываю. Пусть продолжает считать, что держит меня за горло своими деньгами.

Телефон вибрирует в третий раз.

Собираю остатки храбрости, провожу пальцем по экрану и прикладываю аппарат к уху. Голос удается удержать ровным, хотя желудок уже скрутило так, что начинает подташнивать:

— Ольга Сергеевна, добрый день. Рома опять что-то натворил? — спрашиваю, вставая из кресла и подходя к окну.

В трубке слышится сбивчивое дыхание. За спиной открывается дверь, помощница заглядывает в кабинет с папкой, но, увидев мое лицо, молча отступает и прикрывает дверь. С улицы доносится протяжный сигнал машины, по стеклу скользят мелкие капли дождя, а классная руководительница продолжает молчать.

— Ольга Сергеевна? — требую ответа, прижимая телефон к уху крепче. — Что произошло?

Женщина шумно втягивает воздух, и в ее обычно уверенном голосе появляется испуганная хрипотца:

— Рома… он… Я не знаю, как вам сказать, но ваш сын пропал.

Глава 2

Несколько секунд я продолжаю смотреть на дождевые капли, которые медленно ползут по стеклу. Ведь смысл услышанного никак не укладывается в голове. Рома не может пропасть. Он может сбежать с урока, спрятаться в туалете, выключить телефон из вредности, но исчезнуть так, чтобы его не нашли взрослые, — нет.

— Как пропал? — спрашиваю, разворачиваясь к столу и нащупывая на спинке кресла пальто. — Он был на уроках? Когда его видели в последний раз? Вы вызвали полицию?

— Екатерина Андреевна, мы сейчас все выясняем, — в трубке раздается торопливый голос Ольги Сергеевны, а на заднем плане кто-то громко зовет охранника. — Пожалуйста, приезжайте. Камеры уже просматривают, директор подняла сотрудников на ноги.

— Я выезжаю, — обещаю, заталкивая ноутбук в сумку и едва не роняя зарядное устройство. — Если Рома найдется раньше, позвоните мне сразу. Не через пять минут, не после разговора с директором, а сразу.

— Обязательно, — классная руководительница шумно выдыхает и тут же обращается к кому-то рядом: — Проверьте запасной выход еще раз.

Отключаю вызов, натягиваю пальто и распахиваю дверь кабинета. В коридоре едва не сталкиваюсь с помощницей, которая уже направилась к своему столу, по-прежнему прижимая к груди ту самую синюю папку. Марина обычно носит прямое каштановое каре идеально уложенным, а ярко-зеленый брючный костюм не мнется на ней даже к вечеру. Сейчас женщина выглядит растерянной: темные глаза распахнуты, несколько прядей выбились из-за уха, а пальцы побелели на картонной обложке.

— Катя, что случилось? — Марина отступает, освобождая мне проход, но папку из рук не выпускает. — Ты выглядишь так, будто тебе сообщили что-то страшное.

— Рома исчез, — выдыхаю, на ходу проверяя сумку и карманы пальто. Телефон, ключи, документы на месте, но сосредоточиться все равно не получается. — Отмени встречи до конца дня. Лаврову передай, что отчет задержится. Я не знаю, когда вернусь.

— Я отвезу тебя, — помощница делает шаг к стойке, собираясь оставить папку, но я останавливаю ее движением ладони.

— Нет, оставайся в офисе, — прошу, задерживаясь рядом лишь на секунду. — Если что-нибудь узнаю, позвоню.

Марина прижимает документы к себе крепче и кивает. По ее лицу видно, что поспорить она со мной хочет, но не решается.

— Будь осторожна, — просит помощница, провожая меня до лифта. — Я сама разберусь со всеми встречами. Только напиши, когда найдешь Рому.

Слово «когда» немного отрезвляет, потому что Марина говорит не «если», а «когда». Благодарно сжимаю ее плечо, вхожу в кабину и нажимаю кнопку первого этажа. Двери сходятся слишком медленно, лифт ползет вниз целую вечность, а на экране телефона один за другим остаются вызовы без ответа.

До школы обычно ехать двадцать пять минут. Сегодня дорога растягивается до бесконечности. Дворники размазывают по лобовому стеклу мелкий дождь, машины едва ползут, светофоры будто нарочно загораются красным перед самым капотом. Набираю сына снова и снова. Сначала слышу длинные гудки, потом механический голос сообщает, что абонент недоступен.

Телефон разрядился? Рома выключил его сам? Или аппарат лежит где-нибудь в луже, а сын не может ответить?

Запрещаю себе заканчивать последнюю мысль и крепче сжимаю руль. На перекрестке впереди останавливается черный внедорожник, и у меня холодеет спина. На мгновение кажется, что за затемненным стеклом сидит Антон. Он мог приехать к школе, позвать сына и

увезти его прежде, чем кто-то успел вмешаться. Рома сел бы к отцу без сопротивления, потому что до сих пор любит его и ждет каждой встречи, сколько бы раз бывший ни нарушал обещания.

Звонить Антону не решаюсь. Если он ни при чем, я только напомню, насколько сильно все еще его боюсь. Если действительно забрал Рому, предупрежу, что уже обо всем догадалась. Сначала нужно увидеть записи с камер и понять, вышел ли сын из школы один.

Возле школьных ворот толпятся несколько родителей. Охранник торопливо проверяет пропуска, из дверей выбегают учителя, по мокрым ступеням спускаются старшеклассники в темно-синих жилетах. Оставляю машину в первом свободном кармане, выскакиваю под дождь и бегу к зданию, придерживая расстегнутое пальто. Каблуки скользят по плитке, низкий хвост окончательно распадается, а светлые пряди липнут к щекам.

В просторном вестибюле пахнет мокрыми куртками, хлоркой и выпечкой из столовой. За стойкой дежурной мигают четыре монитора, на которых видны коридоры, лестницы и серый школьный двор. Полноватая администратор в бордовом кардигане поднимается, узнает меня и испуганно указывает на лестницу.

— Екатерина Андреевна, Ольга Сергеевна ждет вас в учительской на втором этаже, — женщина поправляет очки и отступает от прохода. — Поиски продолжаются.

— Рому нашли? — требую ответа, хватаясь за край стойки, чтобы перевести дыхание.

— Пока нет, — администратор опускает взгляд к мониторам и виновато поджимает губы. — Но охрана проверяет двор и все выходы. Директор уже связалась с полицией.

Взлетаю по лестнице, перескакивая через ступеньку. На площадке едва не врезаюсь в двух девочек с одинаковыми синими бантами. Они шарахаются к стене, провожают меня любопытными взглядами, а я заставляю себя сбавить шаг только возле открытой двери учительской.

Помещение оказывается длинным и тесным. У стены тянутся шкафы со старыми учебниками, возле окна стоит электрический чайник, а на большом столе тесно соседствуют журналы, кружки и стопки контрольных. Здесь пахнет крепким кофе, бумажной пылью и влажной одеждой. Две учительницы, увидев меня, торопливо забирают чашки и выходят, оставляя нас с Ольгой Сергеевной вдвоем.

Классная руководительница моего сына выглядит так, будто пропажу ребенка уже записали на ее личный счет. Русые волосы Ольги Сергеевны выбились из аккуратного пучка, на вороте серой блузки расплылось темное пятно, черная юбка помялась. Обычно собранная женщина постоянно поправляет тонкие очки и не знает, куда деть дрожащие руки.

— Где мой сын? — подхожу к столу и ставлю сумку на свободный стул. — Рассказывайте с самого начала. Когда Рому видели в последний раз?

— На третьем уроке он находился в классе, — Ольга Сергеевна открывает журнал и проводит ручкой по строкам. — После звонка дети ушли на перемену. На четвертый урок Роман не пришел. Учитель сначала решил, что он в медпункте или у психолога, но там его не оказалось.

— Сколько времени прошло, прежде чем вы позвонили мне? — собственный голос звучит все резче, мне приходится сделать вдох-выдох, чтобы не сорваться на женщину. — Камеры что-нибудь показали?

— Минут десять, не больше, — классная руководительница кладет ручку на журнал и сцепляет руки. — Охрана уже просматривает записи. Камера у запасного выхода не работает со вчерашнего дня, поэтому сейчас проверяют остальные этажи, территорию школы, стадион и гаражи за оградой.

— Полиция уже едет? — снимаю мокрое пальто и перекидываю его через спинку стула. В учительской жарко, но меня продолжает знобить.

— Директор позвонила сразу после разговора с вами, — Ольга Сергеевна кивает и вытирает ладонью влажный лоб. — Екатерина Андреевна, постарайтесь не думать о худшем. Скорее всего, дети решили прогулять урок и скоро вернутся.

— Какие дети? — переспрашиваю, но женщина будто не слышит вопрос и снова тянется к телефону.

Подхожу к окну и выглядываю во двор. По дорожкам быстро идут двое охранников, один заглядывает за мусорные контейнеры, другой проверяет калитку возле стадиона. Черной машины Антона перед школой нет, однако бывший мог припарковаться за соседним домом.

— Мой бывший муж сегодня сюда приезжал? — оборачиваюсь к Ольге Сергеевне и достаю телефон. — Высокий темноволосый мужчина, обычно в костюме. У него черный внедорожник.

— Я его не видела, — классная руководительница медленно качает головой и настороженно смотрит на меня поверх очков. — Почему вы думаете, что Романа мог забрать отец?

Стыд обжигает щеки. Нормальные люди не признаются учителям, что бывший муж годами держит их в страхе, но сейчас молчание может стоить слишком дорого.

— Антон обещал забрать у меня сына, — объясняю, с трудом удерживая телефон в дрожащей руке. — После суда он сказал Роме, что сможет увезти его в любой момент, если я буду плохо себя вести. Возможно, решил выполнить обещание.

Ольга Сергеевна бледнеет и быстро открывает лежащий на столе блокнот.

— Назовите номер машины, марку и адрес, по которому он может находиться, — просит женщина, придвигая к себе ручку. — Я передам сведения директору и полиции.

Перечисляю все, что помню, и даже называю адрес адвокатской конторы Антона. Классная руководительница записывает данные, затем закрывает блокнот и напряженно проводит ладонью по обложке.

— Мы обязательно все проверим, — обещает она, поднимаясь из-за стола. — Но я сомневаюсь, что Романа увез отец. Вряд ли он стал бы заодно забирать чужую девочку.

— Какую девочку? — опускаю телефон и несколько секунд пытаюсь понять, при чем здесь посторонний ребенок.

Ольга Сергеевна замирает между столом и окном. По ее лицу сразу понимаю, что женщина собиралась сказать мне не все.

— Вместе с Романом исчезла Варвара Соколова, — признается классная руководительница и поправляет ворот блузки. — Мы сначала не были уверены, что их отсутствие связано, поэтому я не стала пугать вас по телефону. Одноклассники видели, как они разговаривали возле лестницы. После перемены оба не вернулись в кабинет.

Пропавшей девочкой оказывается Варя — та самая одноклассница, с которой у Ромы начались проблемы почти сразу после перевода в новую школу. Сначала сын дернул ее за длинную косу и действительно вырвал несколько волос. Потом Варя поставила ему синяк под глазом учебником, хотя уверяла, что защищалась. В последний раз они сцепились возле раздевалки, и физруку пришлось растаскивать обоих. После каждой такой встречи дети смотрели друг на друга так, будто мечтали продолжить драку при первой возможности.

— Вы уверены, что они ушли вместе? — уточняю, снова подходя к столу. — Может, Рома погнался за ней или они поссорились?

— Пока мы ничего не можем утверждать, — Ольга Сергеевна сжимает блокнот и бросает взгляд на дверь. — Но их видели вместе, а исчезли они одновременно.

— Ее отцу сообщили? — спрашиваю, уже заранее зная ответ.

— Конечно, — классная руководительница кивает. — Вячеслав Соколов едет сюда.

От этой новости становится только хуже. Для полного счастья мне не хватало здесь лишь Славы Соколова. Он называет себя руководителем маркетингового агентства, хотя при каждой встрече держит телефон перед лицом и разговаривает с подписчиками. В его блоге есть советы по продвижению, дорогие рестораны, тренировки и ежедневные нравоучения о правильном воспитании детей. После нашей прошлой школьной разборки мужчина снял ролик о «безот-

ветственных родителях, которые перекладывают свои проблемы на окружающих». Имени он не назвал, но весь класс прекрасно понял, о ком шла речь.

— Я пойду к охране, — решаю, подхватывая пальто со стула. — Хочу сама увидеть записи.

Ольга Сергеевна торопливо обходит стол и преграждает мне дорогу, подняв ладони.

— Подождите, пожалуйста, — просит женщина, стараясь удержать уверенный тон. — Там директор и сотрудники полиции. Если родители начнут вмешиваться, поиски только усложнятся. Останьтесь здесь, пока нам не сообщат новости.

— Мой ребенок пропал, а вы предлагаете мне сидеть и ничего не делать? — отступаю, чтобы не столкнуться с ней, при этом прижимаю пальто к груди. — Я не могу спокойно ждать, когда с моим сыном может происходить неизвестно что.

— Его ищут все, — Ольга Сергеевна смотрит прямо мне в глаза, хотя голос у нее дрожит. — Школьная территория небольшая. Мы обязательно найдем детей.

За окном льет дождь, камера у запасного выхода не работает, а телефон Ромы недоступен. Представляю сына промокшим и замерзшим, возможно, раненым, и меня начинает тошнить. Он последние два года испытывает мое терпение, грубит, хлопает дверью и делает вид, что мать ему больше не нужна. Но Рома остается единственным близким человеком, который у меня есть. Мамы давно нет, брак закончился предательством, а сын помог мне не лечь рядом с развалинами прежней жизни.

Из коридора доносится тяжелый топот. Дверь учительской с силой ударяется о стену, и на пороге появляется Слава Соколов. Темно-русые волосы мужчины взъерошены дождем, на щеках проступает короткая щетина, а распахнутое темно-синее пальто открывает черную водолазку и серые брюки. Обычно он выглядит безупречно даже во время школьных разборок, но сейчас бледен, тяжело дышит и сжимает телефон так, будто собирается раздавить его в ладони.

Слава быстро оглядывает помещение, явно разыскивая дочь среди столов и стульев. Не увидев Варю, мужчина бледнеет еще сильнее, а когда замечает меня, страх в его серых глазах сменяется яростью. Он пересекает учительскую и останавливается в шаге от меня.

— Что ваш сын сделал с моей дочерью? —рычит мне прямо в лицо.

Глава 3

— А может, это ваша дочь что-то сделала с моим сыном? Не думали об этом? — складываю руки на груди и выдерживаю яростный взгляд Славы, хотя страх до сих пор мелко колотит изнутри.

Мужчина явно не ожидал получить от меня отпор. На секунду его лицо вытягивается, серые глаза распахиваются, а губы приоткрываются. Вот только замешательство мужчины длится недолго. Слава резко выдыхает, снимает мокрое пальто, бросает его на спинку свободного стула и снова приближается ко мне.

— Как вам не стыдно перекладывать вину на Варю? — он отбрасывает со лба влажную прядь и останавливается так близко от меня, что я различаю капли дождя на черной водолазке. — Это ваш хулиган с первого дня достает мою дочь. То портфель отберет, то обзовет, а в последний раз вообще выдрал ей клок волос!

— А она поставила ему фингал под глазом, — напоминаю, указывая на собственную скулу. — Синяк сходил почти две недели. Может, вы начнете воспитывать свою дочь, а не только снимать поучительные ролики о чужих детях?

Слава сужает глаза, и на его скулах проступают красные пятна. Короткая щетина подчеркивает напряженную челюсть, а я с раздражением отмечаю, что даже сейчас мужчина остается привлекательным. Высокий, статный, с правильными чертами лица и ямочкой на левой щеке, которую обожают его подписчицы. Жаль, приятная внешность не мешает ему вести себя как невыносимому придуроку.

— Я займусь Варей после того, как вы наконец займетесь сыном, — Слава наклоняется немного ближе и говорит тише, но от его тона по спине проходит холод. — Судя по тому, как Роман ведет себя в новой школе, вы уже два года делаете вид, что никаких проблем нет.

Укол попадает точно в цель. После переезда Рома действительно очень сильно изменился. Только Слава не понятия не имеет, сколько сил я потратила на разговоры, наказания, встречи с психологом и бесконечные вызовы в школу.

— Прекратите оба! — Ольга Сергеевна вклинивается между нами и разводит руки, вынуждая нас обоихотступить друг от друга. — Ваши дети пропали, а вы выясняете, кто из них хуже. Сейчас нужно думать о поисках, а не сводить старые счеты.

Стыд обжигает щеки. Пока мы со Славой соревнуемся в родительских провалах, Рома и Варя неизвестно где. Отхожу к окну, кладу пальто на подоконник и смотрю на мокрый двор. За стеклом охранник проверяет калитку, возле стадиона разговаривают двое полицейских. Знакомых фигур среди них нет.

— С вами мы еще разберемся, — Слава поворачивается к классной руководительнице и расправляет плечи. — Как дети смогли выйти из здания посреди учебного дня? Почему никто не заметил этого сразу? Вы представляете, что может произойти, если этот мальчишка что-нибудь сделает с моей дочерью?

— Рома не преступник, — отталкиваюсь от подоконника, но остаюсь возле окна. — Ему тринадцать лет, как и Варе.

— Тринадцатилетние тоже способны натворить дел, — мужчина бросает на меня предупреждающий взгляд и снова обращается к Ольге Сергеевне. — Кто будет отвечать за случившееся? Школа? Лично вы? Может, мне рассказать обо всем публично, чтобы другие родители знали, как здесь следят за детьми?

Слава поднимает телефон и открывает камеру. Движения у него быстрые и привычные, будто страх за дочь уже превращается в материал для блога. На экране отражаются его бледное лицо, часть учительской и растерянная Ольга Сергеевна. Женщина торопливо подходит и закрывает объектив ладонью.

— Не снимайте, пожалуйста, — просит классная руководительница, стараясь говорить твердо. — Вы помешаете работе полиции и напугаете детей, которые сейчас находятся в школе. Охрана проверяет территорию, сотрудники просматривают записи. Мы делаем все возможное.

— Надеюсь, Варю найдут хотя бы живой, — Слава опускает телефон и раздраженно постукивает им по ладони.

У меня перехватывает дыхание. Одно короткое слово пробивает защиту, которую я с таким трудом удерживала всю дорогу. Перед глазами возникает Рома, лежащий под дождем за школьным забором. Темные волосы прилипли ко лбу, глаза закрыты, черная толстовка промокла насквозь.

— Замолчите, — требую, прижимая ладонь к груди. Мой голос хриплый и слабый. — Немедленно замолчите.

Слава наконец смотрит на меня внимательнее. Ярость на его лице гаснет, а самоуверенность сменяется коротким раскаянием. Мужчина убирает телефон в карман брюк и проводит рукой по затылку.

— Я не хотел вас напугать, — признает он, отводя взгляд к окну. — Просто Варя никогда не уходит без разрешения. Она всегда предупреждает, где находится.

— Рома тоже знает, что я буду волноваться, — обнимаю себя за плечи. Признаться, что в последние месяцы сын почти перестал со мной разговаривать, не могу даже самой себе. — Он способен нагрубить или хлопнуть дверью, но специально никогда не исчезал.

Последние слова застревают в горле. Раньше мы действительно были близки. После переезда Рома каждую ночь приходил ко мне, ложился рядом и спрашивал, правда ли папа больше не будет с нами жить. Я обнимала его, гладила по темным волосам и обещала, что мы справимся. Сын освоился в новой квартире, а вот в новой школе словно превратился в другого ребенка. Начал огрызаться, драться, закрывать дверь в комнату и прятать экран телефона.

Я убеждала себя, что Рома превратился в обычного подростка: он злится из-за развода и перевода в другую школу, поэтому ему нужно время. Нельзя душить сына заботой и контролировать каждый его шаг.

Теперь от собственных разумных объяснений становится дурно. Возможно, за сыновним молчанием скрывалась не только обида на переезд. Вдруг Рома пытался чем-то поделиться, а я отвечала на рабочие сообщения и просила поговорить позже? Сын — единственный человек, ради которого мне удалось выбраться из постели после предательства и начать жизнь заново. Почему я так халатно отнеслась к его воспитанию?

Ольга Сергеевна подходит к столу, на котором вибрирует ее телефон. Женщина торопливо берет аппарат, едва не задевая кружку, и прикладывает его к уху.

— Виктор Петрович, есть новости? — классная руководительница слушает несколько секунд, затем напряженно выпрямляется. — Возле каких мастерских? Хорошо. Да, оба родителя здесь. Мы остаемся в учительской.

— Что там? — Слава первым оказывается рядом, как только разговор заканчивается. — Варю нашли?

— На записи с камеры возле мастерских заметили движение, — Ольга Сергеевна кладет телефон на журнал. — Сейчас охранники вместе с полицейским проверяют гаражи за школьным стадионом.

— Почему их не осмотрели сразу? — Слава разворачивается к двери, но учительница торопливо преграждает ему путь. — Я сам туда пойду.

— Гаражи находятся за школьной территорией, — Ольга Сергеевна поднимает ладони, не прикасаясь к мужчине. — Там уже работают охрана и полиция. Если вы побежите следом, только помешаете. Останьтесь здесь.

Слава сжимает челюсти и все же отступает к длинному столу. Я остаюсь у окна. По коридору пробегают люди, в соседнем кабинете звонит телефон, настенные часы отсчитывают

секунды с издевательским спокойствием. Хочется сорвать их со стены, лишь бы не слышать равномерное тиканье.

— Давно вы одна воспитываете Романа? — неожиданно спрашивает Слава, опираясь ладонью на край стола.

— Достаточно давно, чтобы не нуждаться в ваших оценках, — бросаю, не отрывая взгляда от двора.

— Я пытаюсь понять, почему он так себя ведет, — мужчина складывает руки на груди. — Отец вообще участвует в его жизни?

— Лучше разберитесь, почему ваша дочь ушла с мальчиком, которого якобы терпеть не может, — поворачиваюсь к Славе и встречаю его тяжелый взгляд. — Варю никто не тащил через запасной выход. Если дети действительно ушли вместе, значит, решение принимали оба.

Мужчина открывает рот, собираясь ответить, но в коридоре раздается шум. Сначала слышатся быстрые шаги, потом возмущенный девичий голос и знакомое сыновнее: «Да отпустите вы!» Сердце ударяет так сильно, что на секунду темнеет в глазах.

Бросаюсь к двери одновременно со Славой. Мы сталкиваемся плечами, отшатываемся и снова шагаем вперед, не тратя времени на извинения.

На пороге появляется Виктор Петрович, крупный седой охранник в промокшей темной форме. Он придерживает за локти двух подростков, которые пытаются освободиться и перебивают друг друга. Рома в черной толстовке, темных джинсах и мокрых кроссовках выглядит одновременно виноватым и сердитым. Его темные волосы прилипли ко лбу, карие глаза упрямо блестят, а на щеке размазана грязь.

Рядом с ним извивается светловолосая Варя. Бежевая короткая куртка расстегнута поверх синей школьной юбки и белой блузки, подол испачкан влажной землей, длинные волосы спутались от дождя. Голубые глаза девочки возмущенно распахнуты, но страха в них нет.

— Пустите, мы сами дойдем! — Рома выворачивает плечо и бросает на охранника сердитый взгляд.

— Папа, скажи ему, чтобы он убрал руки! — Варя тянется к Славе и едва не выскальзывает из расстегнутой куртки.

— Отпустите их, они никуда не денутся, — просит Ольга Сергеевна, подходя к детям и внимательно осматривая обоих.

Виктор Петрович заводит подростков в учительскую, разжимает руки и переводит дыхание. На его красном лице появляется усталая усмешка. Охранник вытирает мокрый лоб рукавом и кивает в сторону коридора.

— Сейчас сообщу директору и полицейским, что пропажа нашлась, — объясняет он, задерживаясь у двери. — За гаражами сидели наши герои-любовники.

— Что?! — вырывается у нас со Славой одновременно.

Глава 4

— Нашел их за дальними гаражами, — Виктор Петрович переводит суровый взгляд с Ромы на Варю и упирает ладони в ремень. — Сидели на старом поддоне, целовались и строили планы на будущее. Решали, куда сбегут, где будут жить и как заработают на еду.

Варя тут же придвигается к Роме и хватает его за руку. Сын отвечает таким же крепким пожатием, словно они боятся, что взрослые разорвут сцепленные ладони силой.

— Мы не целовались! — Рома вспыхивает до корней мокрых волос и отступает вместе с девочкой к стене. — То есть целовались, но не так, как он рассказывает.

— А как можно целоваться не так? — Слава резко поворачивается к дочери и закрывает глаза ладонью. — Вы совсем с ума сошли? Вам обоим по тринадцать лет!

— Вот именно, папа, мне уже тринадцать, — Варя вскидывает подбородок и прижимается плечом к Роме. — Ты не имеешь права запрещать мне встречаться с тем, с кем я хочу.

Ольга Сергеевна благодарит охранника и просит сообщить директору, что дети не пострадали. Виктор Петрович кивает, выходит в коридор и прикрывает за собой дверь. В учительской остается только ровное тиканье часов и наше тяжелое дыхание.

Слово «встречаться» ударяет по голове сильнее любой новости за сегодняшний день. Смотрю на сына и пытаюсь узнать в угловатом подростке того мальчишку, который совсем недавно строил крепость из диванных подушек и морщился при виде поцелуев в кино. Когда вместо футбола, приставки и бесконечных роликов в его жизни появилась девочка, ради которой можно сбежать с уроков?

В начальной школе у детей тоже случались великие романы. Они играли в свадьбы, женились на переменах и разводились до звонка, делили ластики вместо имущества. Рома однажды вернулся домой с кольцом из фольги и серьезно сообщил, что теперь обязан содержать жену шоколадными батончиками. Я посмеялась, сфотографировала его важное лицо и к вечеру забыла об этом.

Сейчас сын не играет. Он не выпускает Варину ладонь из своей и смотрит на взрослых с таким упрямством, будто готов сражаться за свои отношения до последней двойки.

Самое невероятное заключается в том, что избранницей моего сына оказалась именно Варя. Они познакомились два года назад, когда после нашего переезда я привела Рому в этот класс. Сын и без того тяжело переживал развод, а в новой школе окончательно сорвался с цепи: спорил с учителями, дрался с мальчишками и постоянно цеплял светловолосую девочку, которая не собиралась ему уступать. Рома называл ее воображалой, Варя считала его невоспитанным дикарем. Они ругались из-за места у окна, дежурства, ответов у доски и даже из-за того, кто первым вошел в столовую.

А теперь, оказывается, кто-то запрещает им встречаться.

— Вы давно вместе? — спрашиваю сына, заставляя себя не повышать голос.

Рома открывает рот, но Слава опережает его. Мужчина коротко усмехается, хотя в его серых глазах по-прежнему держится страх, и кивает в мою сторону.

— Прекрасно вы интересуетесь жизнью собственного ребенка, — бросает он, вставая рядом с дочерью. — Даже не знаете, с кем ваш сын проводит время.

Хочется снять со стены тяжелую деревянную указку и проверить, насколько крепкая у этого блогера голова. Вместо этого расправляю плечи и смотрю ему прямо в лицо.

— Значит, это вы запретили им встречаться? — уточняю, убирая прилипшие к щеке волосы. — Я правильно понимаю?

— Разумеется, — Слава протягивает дочери ладонь, требуя отойти от Ромы. — Варе рано думать об отношениях. Тем более с мальчиком, который два года ее обижал.

— Отлично, — киваю, хотя согласие с этим человеком дается мне почти физически тяжело. — На самом деле я тоже не против такого развития событий. Уверена, ваша дочурка, которой вы с рождения дуете в одно место, совершенно не подходит моему сыну.

— Мам! — Рома дергается ко мне, но не выпускает Варину руку. На его лице появляется такое искреннее возмущение, будто я предала его перед лицом врага. — Ты ее вообще не знаешь!

— Зато я знаю тебя, — выдерживаю сыновний взгляд. — И понимаю, что в тринадцать лет нужно ходить на уроки, а не планировать самостоятельную жизнь за гаражами.

Варя фыркает и одергивает короткую куртку. Светлые волосы девочки подсохли не до конца и лежат на плечах спутанными волнами, щеки раскраснелись от холода и возмущения. Она выглядит тоненькой и хрупкой, но упрямо держит маленький подбородок. Чем дольше рассматриваю ее голубые глаза и закушенную нижнюю губу, тем сильнее замечаю неприятное сходство с собой в том же возрасте.

— Ром, ты был прав, — девочка поднимает на моего сына обиженный взгляд и намеренно говорит громко. — Твоя мама после развода действительно немного не в себе.

Обида вспыхивает быстрее злости. Значит, сын обсуждает меня с Варей. Рассказывает, как я изменилась, жалуется на установленные мною правила и, возможно, пересказывает наши ссоры. Разум подсказывает, что подростки именно так и поступают, когда доверяют друг другу, но тот факт, что мой сын меня ни во что не ставит, наносит мне сильную рану.

— Достаточно, — обрываю девочку и поворачиваюсь к классной руководительнице. — Мы можем забрать детей?

Ольга Сергеевна стоит у стола, прижав к груди журнал. После признаний и угроз женщина выглядит совершенно растерянной, однако быстро берет себя в руки.

— Виктор Петрович уже сообщил директору и полиции, что Роман и Варвара нашлись, — объясняет она, поправляя очки. — Перед уходом вам нужно будет спуститься вниз, чтобы сотрудники убедились, что с детьми все в порядке. Кроме того, Роман и Варвара должны написать объяснительные и подробно указать, как вышли из здания и почему пропустили урок.

— Можно принести их завтра? — прошу, не отрывая взгляда от сына. — Сейчас нормального объяснения мы все равно не получим.

Классная руководительница переводит взгляд с детей на нас со Славой и устало кивает.

— Хорошо, завтра до первого урока я жду обе объяснительные, — женщина кладет журнал на стол. — Но поведение детей мы обязательно обсудим отдельно.

— Обсудим, — обещаю, подходя к Роме и протягивая ему руку. — А сейчас ты идешь со мной.

Пытаюсь взять сына за запястье, но он резко отдергивает руку. Рома отступает вместе с Варей и смотрит на меня исподлобья.

— Никуда я не пойду, — сын крепче сжимает руку девочки. — И вообще, ты не будешь мной командовать. Я уже взрослый.

— Пока ты находишься на моем попечении, решения принимаю я, — удерживаю голос ровным, хотя терпение натягивается до предела. — Взрослым станешь после восемнадцати. До тех пор ты обязан предупреждать, куда уходишь, и посещать уроки.

Роме мои слова явно не нравятся. Он поджимает губы, бросает быстрый взгляд на Варю и упрямо качает головой. Девочка в ответ придвигается ближе к его плечу, словно я собираюсь силой разлучить их навсегда.

Отхожу к окну, забираю пальто, затем возвращаюсь к стулу и снимаю сумку со спинки.

— Дома поговорим, — добавляю, перекидывая ремень через плечо. — Мы уходим. Сейчас же.

— Нет, — Рома расправляет плечи и встает перед Варей, будто защищает ее от нападения. — Я останусь с ней.

— Тут я вынужден согласиться с твоей матерью, — Слава подходит к детям и снова протягивает дочери руку. — Вы оба сейчас поедете домой. Никто ни с кем не остается.

— Ну, пап, — Варя морщит нос и пытается спрятаться за Ромой. — Мы ничего плохого не сделали.

— Не папкай мне тут, — мужчина смотрит на дочь тяжелым отцовским взглядом. — Я предупреждал, что хулиганы тебе не подходят. Подрастешь и найдешь достойного молодого человека, который будет уважать тебя, а не дергать за волосы и таскать по гаражам.

— Я ее уважаю! — Рома выступает вперед и заслоняет Варю плечом. — За волосы я дергал ее раньше, потому что она меня бесила. Тогда мы еще не встречались.

— Великолепное объяснение, — Слава невесело усмехается и трет переносицу. Усталость делает его старше, возле глаз проступают тонкие морщины, но отступать мужчина явно не собирается. — Разговор окончен. Варя, подойди ко мне. Сейчас же.

Дети переглядываются. По их лицам проходит безмолвный разговор, понятный только им двоим. Рома первым коротко кивает, Варя отвечает таким же движением, и оба одновременно поворачиваются к нам.

Сын делает глубокий вдох, еще крепче сжимает ладонь девочки и заявляет:

— Если вы попытаетесь нас разлучить, мы сбежим из дома и начнем жить самостоятельно, а вы будете кусать локти.

Глава 5

Слава смотрит на детей так, будто они только что объявили о намерении ограбить банк. Он резко вскидывает руки, отступает от дочери и несколько секунд не может подобрать слова.

— Вы там совсем с ума сошли? — мужчина обводит подростков ошеломленным взглядом. — Какое еще «сбежим из дома»? Вы хотя бы представляете, что такое взрослая жизнь? Нужно платить за квартиру, покупать продукты, готовить, стирать, учиться и работать. Вы даже справку в школе без родителей получить не можете.

— Мы уже не дети, если что, — Варя выглядывает из-за Роминого плеча и вызывающе вскидывает подбородок. — Мы подростки.

— Огромная разница, — Слава прикрывает глаза и массирует виски. — Значит, в тринадцать лет вы стали полностью самостоятельными и способны жить одни?

— Я смогу обеспечить Варю, — Рома переступает с ноги на ногу, но взгляд от ее отца не отводит. — Найду работу после школы или буду подрабатывать в интернете. Я не позволю вам разлучить нас.

Сердце болезненно сжимается. Сын рассуждает серьезно, почти по-взрослому, хотя понятия не имеет, сколько стоит аренда квартиры и сколько часов нужно работать, чтобы наполнить холодильник хотя бы на неделю. Еще вчера он возмущался, что я отказалась покупать новые наушники взамен потерянных. Сегодня собирается содержать семью.

В другой ситуации я бы рассмеялась. Сейчас же решимость на его бледном лице не оставляет места для веселья.

— Ром, мы не пытаемся разрушить твою жизнь, — заставляю себя говорить мягче и делаю шаг к детям. — Вы с Варей можете общаться в школе, переписываться и гулять вместе с друзьями. Но никаких прогулов, побегов и тайных встреч за гаражами. Так ведут себя не взрослые, а дети, которые хотят напугать родителей.

— То есть встречаться нам можно? — сын мгновенно цепляется за единственную подходящую ему часть фразы и впервые за весь разговор смотрит прямо на меня.

— Я сказала, что мы обсудим все дома, — напоминаю, останавливаясь в двух шагах от него. — Сейчас ты поедешь со мной.

— А Варя? — Рома кивает на девочку и тревожно переводит взгляд на Славу.

— Варя поедет со мной, — мужчина возвращается к дочери и кладет ладонь ей на плечо. — Дома нас тоже ждет очень серьезный разговор.

Девочка сбрасывает его руку, но от Ромы наконец отходит. Слава провожает ее напряженным взглядом, затем смотрит на сына, а после переводит внимание на меня. В серых глазах появляется холодное выражение, от которого внутри поднимается новая волна раздражения.

— Держите своего сына в узде, — требует мужчина, выпрямляясь перед Варей. — Ему не место рядом с моей дочерью.

Я тоже считаю, что в тринадцать лет детям рано заводить серьезные отношения. Сегодняшний побег только подтверждает мою правоту. Но фраза Славы задевает меня так сильно, словно Рома хуже остальных и должен держаться подальше от приличных девочек.

Сжимаю ремень сумки, чтобы не выпалить первую грубость, которая уже крутится на языке.

— Это еще почему? — спрашиваю, поднимая на мужчину тяжелый взгляд. — Чем мой сын хуже вашей дочери?

Слава скользит взглядом по моей растрепавшейся прическе, мятой кремовой блузке и мокрому пальто, которое я держу на сгибе руки. Разглядывает без стеснения, будто перед ним не женщина, а неудачная рекламная кампания, которую нужно разобрать по пунктам.

— Какой пример вы способны дать мальчику, если растите его в одиночку? — мужчина чуть кривит губы. — Рядом с сыном должен быть отец. Иначе получается то, что мы сейчас видим: Роман не уважает правила, грубит взрослым и считает нормальным увести девочку с уроков.

— Вы тоже растите дочь один, — напоминаю, ощущая, как в груди становится тесно от злости. — Или к отцам-одиночкам ваши правила не относятся?

— Не сравнивайте, — жестко обрывает Слава и снова кладет ладонь на Варино плечо. На этот раз девочка не отстраняется. — Моя жена трагически погибла. Я не выбирал одиночество, не разрушал собственную семью и не лишал дочь второго родителя.

Слова ударяют неожиданно больно. О смерти Вариной мамы я слышала от Ольги Сергеевны, но никогда не знала подробностей. На несколько секунд становится стыдно за резкий вопрос. Слава действительно не выбирал свою потерю и, возможно, поэтому так отчаянно контролирует дочь. Только его трагедия не дает ему права судить обо мне.

— А я, по-вашему, мечтала о разводе? — спрашиваю, слыша дрожь в собственном голосе. — Может, сначала узнаете, почему закончился мой брак, прежде чем оценивать мои методы воспитания?

— Факт остается фактом, — мужчина пожимает плечами, хотя в его взгляде мелькает короткое сомнение. — Вы не смогли сохранить семью. Не представляю, чему хорошему научится моя дочь рядом с мальчиком, который каждый день видит перед собой такой пример.

— Моему сыну есть чему научить Варю, — выступаю вперед, забывая о желании поскорее уйти. — Рома добрый, умный и умеет защищать тех, кто ему дорог. Да, он ошибается, грубит и иногда ведет себя как маленький засранец, но хотя бы не считает, что может судить людей, ничего о них не зная.

— Мам, не надо, — тихо просит сын и нервно поправляет капюшон толстовки. — Давайте просто уйдем.

Ради него нужно остановиться. Рома и без того выглядит бледным, постоянно переводит взгляд с меня на Варю, а наши со Славой разборки только сильнее накаляют обстановку. Делаю вдох и отступаю к сыну.

Мужчина, похоже, принимает мое молчание за поражение и коротко усмехается.

— Я всего лишь называю вещи своими именами, — Слава заслоняет собой Варю и смотрит на меня сверху вниз. — Разведенка с прицепом вряд ли способна дать мальчику правильный пример семьи. Уверен, вы способны лишь вырастить корзиночку.

Воздух застревает в легких. Несколько секунд я просто смотрю на него, не веря, что взрослый образованный человек произнес подобное при детях. Варя опускает голову, Рома сжимает кулаки, а Ольга Сергеевна ошеломленно снимает очки.

— Вячеслав, немедленно прекратите, — требует классная руководительница, кладя очки на журнал. — Вы находитесь в школе и разговариваете при детях.

— Папа, это уже слишком, — Варя дергает отца за рукав водолазки и сердито смотрит на него снизу вверх. — Ты сам говорил, что нельзя оскорблять людей.

— Я никого не оскорбляю, — Слава убирает ее руку, но самоуверенность на его лице немного тускнеет. — Просто объясняю, почему я против ваших отношений.

Открываю рот, чтобы рассказать этому самодовольному мужлану, как именно распалась моя семья. Хочется спросить, должна ли женщина сохранять домашний очаг, когда муж приводит другую в общую постель и знакомит с ней ребенка. Рассказать при всех, как Антон предлагал мне смириться и делить его с Леной. Пусть Слава после этого попробует заявить, что виновата я.

Дверь за моей спиной открывается без стука, но за спором никто не обращает на звук внимания.

— Ну хоть кто-то сказал тебе правду, кроме меня, — раздается знакомый мужской голос, от которого внутри все мгновенно сжимается. — Сколько раз повторял: домашний очаг держится на женщине. Хорошей, уступчивой жене мужик изменять не станет.

По коже пробегают ледяные мурашки. Медленно поворачиваюсь к двери и вижу в проеме своего бывшего мужа.

Глава 6

Видеть Антона не хочется от слова «совсем», поэтому поворачиваюсь к классной руководительнице испрашиваю:

— Вы позвонили ему?

Ольга Сергеевна отводит взгляд, торопливо надевает оставленные на журнале очки, затем берет сам журнал и прижимает его к груди. На щеках женщины проступают красные пятна, однако она заставляет себя выпрямиться.

— Антон Владимирович указан в документах отцом Романа и вторым законным представителем, — объясняет классная руководительница, осторожно подбирая слова. — При серьезных происшествиях школа обязана сообщать о них обоим родителям. Я позвонила ему сразу после разговора с вами.

— Вас не смутило, что он ни разу не пришел на родительское собрание и практически не участвует в жизни сына? — сжимаю сумку так сильно, что жесткий ремень впивается в ладонь.

— Я практически не участвую? Я?! — Антон закрывает за собой дверь и неторопливо входит в учительскую. — Интересная версия. Особенно с учетом того, что именно ты не позволяешь мне нормально общаться с сыном.

Бывший, как всегда, выглядит безупречно. Темные волосы аккуратно уложены, черное пальто расстегнуто поверх графитового костюма, а белая рубашка оттеняет смуглую кожу. Даже после спешной поездки через полгорода на одежде Антона не появляется ни одной складки. Только галстук чуть ослаблен, возле рта залегли жесткие линии, а карие глаза холодно блестят.

Когда-то я любила смотреть, как Антон улыбается и на его щеках появляются ямочки. Теперь от этой улыбки хочется спрятать кошелек и перечитать каждый документ и все, что там написано, вплоть до мелкого шрифта. Слишком убедительно бывший муж умеет обманывать.

— Да ладно? — разворачиваюсь к нему и скольжу взглядом по дорогому костюму. — С каких пор тебя интересует что-нибудь из Роминой жизни? Ты третий месяц обещаешь сводить его на футбол. Неужели между свиданиями появилось свободное окно?

Антон снимает пальто, перекидывает его через предплечье и смотрит на меня с холодной снисходительностью, которую обычно приберегает для проигрывающих оппонентов.

— Во-первых, мои личные отношения тебя не касаются, — бывший поднимает указательный палец, словно выступает перед судом. — Во-вторых, ты просто злобная бывшая, которая мстит мне через нашего ребенка.

— Конечно, во всем виновата я, — усмехаюсь, хотя под ребрами болезненно тянет. — Ты звонишь сыну раз в две недели исключительно потому, что я круглосуточно держу телефон Ромы под замком.

— Каждый раз, когда мы договариваемся увидеться, у тебя находится новая причина сорвать встречу, — Антон делает шаг ко мне и понижает голос. — То Рома заболел, то у него контрольная, то ты внезапно решила уехать за город. Хватит изображать из себя святую мать.

Перевожу взгляд на сына. Рома стоит возле стены, а Варя остается в нескольких шагах рядом со Славой. Мальчик наблюдает за отцом с таким выражением, которое невозможно разобрать сразу. В темных глазах мелькает радость: папа приехал, бросил дела, появился именно тогда, когда оказался нужен. Вместе с радостью замечаю растерянность, потому что наши с Антоном ссоры никогда не проходили для сына бесследно.

Нужно забрать Рому, отвезти домой, накормить и спокойно выяснить, что происходит между ним и Варей. Разборки с бывшим могут подождать.

— Можешь считать меня кем угодно, — отступаю к сыну и застегиваю сумку. — Мы уходим. Ольга Сергеевна, объяснительную Рома принесет утром.

— Подожди, — Антон преграждает мне путь, выставляя ладонь. — Я приехал, потому что школа сообщила о происшествии. Что здесь случилось?

Классная руководительница возвращает журнал на стол, снимает очки и устало протирает стекла краем блузки. За время поисков женщина словно постарела на несколько лет, но отвечает профессионально ровно:

— Роман и Варвара ушли с четвертого урока через запасной выход, — Ольга Сергеевна кивает на подростков. — Их нашли за гаражами. Дети хотели провести время вместе, потому что им запрещают встречаться.

Антон поворачивает голову к сыну. На секунду мне кажется, что бывший спросит, зачем Рома сбежал, почему выключил телефон и не замерз ли под дождем. Вместо этого его губы кривятся, а обвиняющий взгляд возвращается ко мне.

— Вот результат твоего бабского воспитания, — бросает Антон, даже не приближаясь к сыну. — Я предупреждал, что ты не справишься с мальчиком, тем более с подростком. Но ты уцепилась в него клещами и решила доказать, что отец ему не нужен.

— Рома стоит рядом, — напоминаю сквозь зубы, ощущая, как напряжение стягивает плечи. — Может, перестанешь обсуждать его так, будто сына здесь нет?

— А что мне скрывать? — бывший пожимает плечами и кивает в сторону Ромы. — Он сам видит результат. Ты разрушила семью, лишила его нормального дома, выдернула из привычной школы, а теперь удивляешься, почему ребенок срывается с цепи. Тебе не стыдно за свое воспитание?

Щеки обжигает жаром. Ольга Сергеевна опускает глаза, Варя прижимается ближе к отцу, а Слава неожиданно перестает выглядеть победителем. Он внимательно наблюдает за Антоном, а в его серых глазах появляется настороженность. Даже человек, который несколько минут назад назвал меня разведенкой с прицепом, понимает, насколько отвратительно бывший пытается унизить меня при детях.

— Может, дело не только в моем воспитании, но и в твоих генах? — спрашиваю, подходя к Антону ближе. — Не думал, что Рома начал срываться после переезда именно потому, что слишком хорошо запомнил поведение отца?

— В нем есть и твоя ДНК, если ты забыла, — бывший коротко усмехается, и на щеке появляется ненавистная ямочка. — А еще твое расписание, забитое репетиторами, секциями и дополнительными занятиями. Вместо того чтобы слушать ребенка и слышать, чего он хочет, ты постоянно пытаешься его улучшить. Рома влюбился, Катя. Нормальная мать давно бы это поняла, а ты только сильнее закручиваешь гайки.

— Папа, не надо, — Рома вынимает руки из карманов толстовки и растерянно смотрит на отца.

— Я вообще-то пытаюсь тебя защитить, — Антон поворачивается к сыну и мгновенно смягчает голос. — Ты имеешь право на собственные желания, даже если мама привыкла решать все за тебя.

— Не втягивай Рому в нашу ссору, — встаю между ними, заслоняя сына от отца. — И не изображай заботливого папу после одного звонка из школы.

— А ты не изображай из себя хорошую мать только потому, что суд оставил ребенка с тобой, — Антон склоняется ближе, и его голос становится тише. — Я говорил, что ты не справишься с сыном, а сегодня лишьполучил очередное подтверждение своему пророчеству.

Усталость внезапно накрывает с головой и вытесняет даже ярость. Два года я слышу одни и те же обвинения, будто Антон заучил их для судебного выступления и теперь повторяет при каждом удобном случае.

— Чего ты добиваешься? — отступаю на шаг и смотрю ему прямо в глаза. — Ты приехал забрать сына? Тогда сначала вспомни, когда в последний раз проводил с ним целый день. Или тебе просто нравится при посторонних доказывать, какая я плохая?

— Мне нужно, чтобы ты наконец признала собственные ошибки, — бывший расправляет манжету рубашки и смотрит на меня сверху вниз. — Семью разрушила ты. Не удержала мужа, забрала ребенка, а теперь пожинаешь последствия своих поступков.

Воздух с шумом вырывается из легких. Два года я старалась не рассказывать Роме подробности отцовской измены. Говорила, что взрослые иногда перестают понимать друг друга и что папа любит его независимо от развода. Сын давно сложил два и два, слышал наши ссоры и видел Лену, но я никогда не произносила правду настолько прямо.

На этот раз промолчать не получится.

— Это я разрушила нашу семью? — переспрашиваю, и собственный голос звучит все громче. — Не тебя я застукала с другой бабой в нашей постели? Не ты познакомил с ней Рому, пока жена находилась в командировке? Может, и спал с другой ты по моей вине, потому что я недостаточно хорошо хранила домашний очаг?

В учительской становится тихо. Антон перестает поправлять манжету и смотрит на меня тяжелым взглядом. Рома опускает голову, Варя испуганно прижимает ладонь ко рту, а Ольга Сергеевна застывает возле стола. Мне должно быть стыдно за резкость при детях, но сожаление не приходит. Слишком долго бывший переписывал нашу историю, превращая свое предательство в мою вину.

Лена рядом с ним надолго не задержалась. Через несколько месяцев Антон нашел другую женщину, с которой встречается до сих пор. Видимо, она устраивает его гораздо больше: красивая, самостоятельная и не требует жениться на ней. Хотя я толком даже не знаю подробностей их отношений. Зачем добровольно заглядывать в чужую постель, если однажды увиденного хватило на всю жизнь?

Невольно перевожу взгляд на Славу. Мужчина стоит рядом с дочерью, но смотрит только на меня. Его лицо меняется: самоуверенность исчезает, губы сжимаются в жесткую линию, а в серых глазах мелькает раскаяние. Похоже, слова о моей неспособности сохранить семью уже не кажутся ему справедливыми. Через секунду Слава возвращает привычное непроницаемое выражение на свое лицо и отводит взгляд.

— Мы уходим, — кладу ладонь Роме на плечо и осторожно направляю сына к двери. — Все остальное обсудим дома.

Рома не двигается. Под моей рукой напрягаются его плечи, затем сын мягко, но решительно освобождается и возвращается к Варе. Девочка тут же берет его за руку, а Слава раздраженно втягивает воздух.

— Я останусь с Варей, — Рома смотрит сначала на меня, потом на отца. — Никуда не поеду, пока вы непообещаете, что разрешите нам встречаться.

— Мы обсудим это дома, — напоминаю, стараясь не сорваться. — Сейчас не время ставить условия.

— Нет, сейчас, — сын крепче сжимает Варину ладонь и упрямо вскидывает подбородок. — Или я перееду к отцу.

Сердце болезненно колет. Рома знает, куда ударить, или просто хватается за единственный доступный рычаг, не понимая, какую рану вскрывает. Перевожу взгляд на Антона. Бывший тоже явно не ожидал такого поворота: приподнимает брови, перестает улыбаться и крепче прижимает пальто к предплечью.

Рома поворачивается к нему всем корпусом. В глазах сына появляется надежда, от которой мне становится по-настоящему страшно. Он делает шаг к отцу и спрашивает:

— Папа, ты заберешь меня?

Глава 7

Сын ударяет меня туда, где до сих пор болит сильнее всего. Его просьба вскрывает страх, который Антон год назад заботливо поселил во мне: однажды Рома выберет отца, а я останусь одна и буду гадать, в какой момент п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.